

БОРЬБА С ЖИЛИЩНЫМ КРИЗИСОМ В КУЗБАССЕ В ПЕРИОД 1920–1922 гг.

Рассматриваются решения органов центральной власти Советской республики и действия сибирских властей, направленные на преодоление жилищного кризиса в Кузбассе в период 1920–1922 гг. Сформулированы причины жилищного кризиса. Анализируются процесс расквартирования на угольных копях горнорабочих и членов их семей, а также выселение с территории рудников нетрудового элемента. Определяются удельный вес жилого фонда промышленных районов в масштабах Кузбасса и характер строительства нового жилья в Южно-Кузнецком районе. Сделан вывод о том, что меры, принятые властями, позволили за счет ухудшения жилищно-бытовых условий местного населения разместить в крайне стесненных условиях жилищного фонда необходимое для угледобывающих предприятий количество рабсилы.

Ключевые слова: жилищный кризис; Кузбасс; угольная промышленность.

Жилищный вопрос, остро стоящий в Кузбассе в период восстановления народного хозяйства 1920–1926 гг., получил широкое освещение в периодической печати и научных исследованиях, посвященных становлению данного промышленного центра Сибири. Такие авторы, как В.М. Бажанов, Б. Циприс, А.С. Московский, Е.А. Кривошеева, Н.П. Шуранов, Е.Б. Каймашикова и др., описывая жилищно-бытовые условия трудящихся угольных рудников Кузбасса, подчеркивали острую нехватку жилья в тот период времени. Несмотря на глубину проблемы, специалисты рассматривали вопрос обеспечения жильем шахтеров и их семей как второстепенный, концентрируя внимание на эволюции индустриального Кузбасса. Поэтому, несмотря на значительное количество публикаций, до сих пор отсутствует труд, который позволяет составить общую картину жилищного кризиса, разразившегося в Кузбассе в 1920–1922 гг. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

В данной работе на основе архивных источников, хранящихся в фондах Сибревкома (Ф. Р-1), Исполкома Западно-Сибирского Крайсовета (Ф. Р-532), Западно-Сибирского краевого отдела РКП (Ф. Р-288), Сиббюро ЦК РКП(б) (Ф. П-1), Томского Губисполкома (Ф. Р-173), Томской агентурной конторы Сибирского областного управления по топливу (Ф. Р-272), Правления угольных копей Западной Сибири (Ф. Р-100), Кузбасстреста (Ф. Р-86) и Управления Сибирской трудовой армии (Ф. 234) анализируется наиболее тяжелый период жилищного кризиса в Кузбассе.

В первые годы восстановления народного хозяйства в Кузбассе во всех без исключения промышленных районах бассейна стояла проблема социально-экономического и санитарного характера, выражавшаяся в остром дефиците жилищного фонда. Топливный кризис в Сибири в 1920–1922 гг., протекавший сначала в условиях военного коммунизма, а затем НЭПа, стал причиной колебаний количества трудовых ресурсов в Кузнецком бассейне [1. С. 76]. Для увеличения добычи угля требовались дополнительные трудовые ресурсы, местные кадровые резервы были крайне скудны, выход из создавшегося положения был найден в концентрации в Кузбассе рабсилы из других районов страны. Трудовая мобилизация крестьян Томской губернии на угледобывающие предприятия Сибири в 1920 г., а затем направление в 1921 г. трудармейцев Сибирской трудовой армии (Сибтрудармии) и миграция рабочих из европейской

части страны ухудшили жилищные условия проживания населения промышленных районов Кузбасса. В свою очередь новая экономическая политика государства способствовала в 1922 г. возвращению на родину части вынужденных переселенцев, работавших на предприятиях Кузбасса, и незначительному улучшению показателей обеспечения жильем рабочих.

В начале 1920-х гг. при решении жилищного вопроса руководство страны делало упор не на строительство нового жилья, а на перераспределение уже существующего жилого фонда, его сохранение и восстановление, подобная тенденция была характерна и для Сибири [2. С. 53]. Жилищный вопрос в Кузбассе решался в том же ключе, но имел свои особенности. Из-за острого жилищного кризиса для увеличения жилого фонда на угольных рудниках в качестве жилья использовались помещения, не предусмотренные для этих целей, например здания школ и больниц, а также железнодорожные вагоны и землянки.

Анализируя общее положение дел в каменноугольной промышленности Сибири в 1925 г., В.М. Бажанов в работе «Положение и перспективы каменноугольной промышленности в Сибири» [3] заострял внимание на жилищном кризисе в Кузбассе. Сравнивая ситуацию с Донецким бассейном, он считал, что вопрос обеспечения жильем шахтеров в Кузнецком бассейне обстоял значительно хуже. По мнению автора, если жилищный кризис в Донбассе был вызван тем, что за время Первой мировой войны и революции жилища разрушались и восстановление их не велось, то в Кузбассе на обострение жилищного кризиса повлияли увеличение населения на каменноугольных копях, размещение на территории рудников различных организаций, а также крайне недостаточные размеры строительства нового жилья, все перечисленное в совокупности привело к «страшной скученности населения» [3. С. 26, 28].

Анализ социально-экономического положения в угольной промышленности Кузнецкого бассейна в рассматриваемый период позволяет выделить три основные причины жилищного кризиса в Кузбассе. К первой относятся ограниченное количество жилфонда, имевшегося на тот момент в рудничных поселках, и неудовлетворительное состояние значительной части жилых помещений, в том числе большое количество землянок и железнодорожных вагонов в Южно-Кузнецком районе, приспособленных для временного проживания рабочих. Вторая причина – высокая

плотность размещения населения в промышленных районах, спровоцированная прибытием большого количества трудовых ресурсов из разных районов Сибири и голодающих губерний Поволжья и Урала для работы на угледобывающих предприятиях Кузнецкого бассейна и строительства железной дороги Кольчугино – Прокопьевские копи. Третья причина – отсутствие масштабного жилищного строительства в Кузбассе в тот период.

В связи с тем что в рассматриваемый период на нужды железных дорог Сибири уходило до 90% добытого угля в Кузбассе, существовала прямая зависимость между производством каменного угля и регулярным движением железнодорожного транспорта [4. С. 80]. Центральные органы власти Советской республики в 1920–1921 гг. в целях бесперебойной поставки запасов хлеба из Сибири в европейскую часть страны по Транссибирской железнодорожной магистрали неоднократно принимали декреты, направленные прямо или косвенно на стабилизацию добычи в Кузбассе каменного угля, являвшегося основным топливом для железнодорожного транспорта.

Действуя в рамках постановлений СНК и Совета Труда и Оборона (СТО) РСФСР, Сибревком через подчиненные ему органы власти и Правление угольных копей Кузнецкого бассейна (Сибуголь) увеличил количество горнорабочих на предприятиях Кузбасса и рабсилы на кольчугинской новостройке. Для решения вопроса по расквартированию рабочих в каменноугольных районах был принят ряд мер, санкционированных центральной властью. Во-первых, был сокращен объем жилого помещения, приходящегося на одного человека. Это повлекло за собой уплотнение населения, проживавшего в рудничных поселках, и ухудшение бытовых условий. Во-вторых, была высвобождена имевшаяся жилая площадь за счет сокращения численности населения, проживавшего на территории рудников и не имевшего отношения к добыче угля. В-третьих, сокращен штат советских и социальных учреждений и организаций, предусматривавший последующее отселение сокращенных лиц. В некоторых случаях выселению за пределы рудничных поселков подверглась часть этих организаций.

Значительные изменения контингента рабочих начались с ноября 1920 г., когда на рудники Кузнецкого бассейна стали поступать мобилизованные по трудовой повинности крестьяне Томской губернии для пополнения состава горнорабочих, чьи ряды сильно поредели после репатриации военнопленных Первой мировой войны. После окончания срока исполнения трудовой повинности крестьян отпустили с производства, а им на смену весной 1921 г. прибыл личный состав частей Сибтрудармии. С июля 1921 г. в Кузбасс начинают поступать партии переселенцев. В отличие от контингента мобилизованных крестьян и трудармейцев, состоящих только из мужчин, которые размещались в общежитиях по казарменному принципу, рабочие-переселенцы приехали в Кузбасс со своими семьями, что в условиях ограниченного жилищного фонда рудников обусловило дополнительные трудности при расквартировании.

В начале ноября 1920 г. для выяснения причин падения добычи угля в Кузбассе на Анжеро-Судженские копи выезжала комиссия Сибревкома и Сиббюро РКП(б), по результатам ее работы член Сибревкома В.М. Косарев в газете «Советская Сибирь» за 24 ноября 1920 г. в статье «На копях» определил ряд проблем, имевшихся на рудниках Северной группы Кузнецкого бассейна. Наряду с вопросами трудовой дисциплины, снабжения продовольствием и производственной одеждой им отдельно рассматривался «самый вопиющий вопрос – жилищный» [5]. В статье отмечалось, что ввиду малого количества жилых домов для рабочих и их семей необходимо строительство нового жилья, но из-за отсутствия строительных рабочих и дефицита стройматериалов осуществить постройку новых домов невозможно.

В целях повышения производительности труда и увеличения добычи угля в Кузнецком бассейне СТО принимает ряд постановлений, в которых существенное место занимает жилищный вопрос. Так, для изменения условий проживания горнорабочих в рудничных поселках 24 ноября 1920 г. было принято Постановление «О мерах по преодолению жилищного кризиса в Кузнецком бассейне» [6. С. 396–397]. Данное постановление преследовало цель освободить рудничные посёлки от населения, не работающего на предприятиях каменноугольной промышленности, и на высвободившиеся жилые площади расселить горнорабочих с их семьями. В нём признавалось право проживания в рудничных посёлках и получения продовольственного пайка кроме самих рабочих, трудившихся на копях, также неработоспособных членов их семей по прямой линии родства. В качестве временной меры на период 1921–1922 гг. для уплотнения населения в рудничных посёлках сокращалась установленная ранее норма жилплощади на человека до 1 кубической сажени (1 кубическая сажень в пересчете на 1 квадратный метр = 4,552 м²). (Здесь и далее по тексту жилая площадь после перевода из кубических и квадратных саженей указана в квадратных метрах.) Главному комитету по всеобщей трудовой повинности предписывалось направлять в Кузнецкий бассейн мобилизованных горнорабочих лишь с теми членами семьи, которые состояли с ними в родстве по прямой линии.

Расположенные в Кузнецком бассейне территориальные исполкомы в соответствии с этим постановлением должны были принять в срочном порядке меры для уплотнения ближайших к рудникам посёлков и деревень для расселения в них рабочих и членов их семей. Кроме этого, местные исполкомы по согласованию с рудничными комитетами обязывались муниципализировать находящиеся на территории рудников частновладельческие строения за исключением домов, принадлежащих крестьянам, занимавшимся хлебопашеством.

Исполнение этого постановления в Кузбассе началось по мере прибытия на рудники новых рабочих из числа мобилизованных крестьян Томского, Мариинского, Кузнецкого, Щегловского и Каинского уездов Томской губернии. Угледобывающие предприятия пополнились на 3 212 чел. [7. С. 30]. Количество при-

бывающих трудмобилизованных в каменноугольные районы Кузбасса зачастую расходилось с числом запланированной рабсилы, поэтому местные органы власти при реализации установок Центра исходили в первую очередь из реального соотношения прибывших новых рабочих и имеющегося на руднике жилого фонда. К примеру, на Кольчугинском руднике в ходе исполнения постановления СТО принимали решения по отселению без особого рвения и лояльно по отношению к местному населению. В январе 1921 г., отвечая на запрос Сибугля о разгрузке квартир на территории Кольчугинского рудника, сообщалось о выполнении постановления, но с оговорками. В частности, ссылаясь на тот факт, что на копи вместо предполагавшихся 1 500 новых рабочих прибыли лишь 500 чел., было принято решение не выселять из своих жилищ жён красноармейцев и несколько десятков инвалидов [8. Л. 9].

Ситуация по размещению вновь прибывающей рабсилы обострилась с направлением весной 1921 г. в Кузбасс трудармейцев Сибтрудармии (Контингент трудовых частей Сибтрудармии находился в Кузбассе с апреля по декабрь 1921 г.). К 15 мая личный состав трудовых войск в Кузнецком бассейне насчитывал 14 176 чел. [7. С. 31]. Расселение трудармейцев практически во всех рудничных поселках и близлежащих деревнях было связано с проблемой ограниченных жилищных возможностей местных властей. Так, например, председатель Райугля Южно-Кузнецкого района Рудовский, обращаясь в Томский Губисполком, в телеграмме за 11 марта 1921 г., ссылаясь на перенаселенность поселка, просил не вселять в пос. Прокопьево 410 чел. трудармейцев и размещать там же 600 лошадей одной из прибывающих трудовых частей Сибтрудармии, подкрепляя свою просьбу предположением, что в случае вселения трудовой части в поселок «рабочие будут вытеснены из квартир и вынуждены разойтись по деревням, что прекратит работу рудника» [9. Л. 31].

Те части, местом дислокации которых были населенные пункты Кузбасса, чаще всего расселяли трудармейцев по частным квартирам крестьян и рабочих по 3–4 человека [10. Л. 25]. В Анжеро-Судженском районе часть подразделений трудармейцев располагалась в помещениях школ [11]. Значительная часть трудармейцев, находившиеся в Южно-Кузнецком районе, была расселена по 20–25 чел. в вагоны-теплушки, которые были направлены в Кузнецкий бассейн в качестве временного жилья Постановлением СТО от 12.01.1921 г. «О восстановлении каменноугольной промышленности Кузнецкого бассейна» [12. С. 319–321]. В вагонах отсутствовало отопление, не было освещения, в дождливую погоду они сильно протекали [13. Л. 11]. Небольшая часть трудармейцев располагалась в полевых условиях.

Параллельно с привлечением к работам в Кузбассе трудармейцев летом 1921 г. по линии Наркомтруда производилась вербовка рабочей силы в губерниях Поволжья и Урала. Основу рабочей силы составляли рабочие-татары, мигрировавшие на копи Кузбасса вместе с семьями. В период с июля по сентябрь эшелонами в Кузбасс из Казанской губернии были пере-

брошены 4 369 чел. (подсчитано автором) [14. Л. 75, 87, 89, 135; 15. Л. 10, 16, 26, 34, 49, 127].

С прибытием новых трудовых ресурсов ситуация по размещению в рудничных поселках осложнялась. Для расквартирования вновь прибывающих не хватало жилищного фонда, поэтому местные власти начали высвобождение имеющихся жилых помещений путем выселения с территории рудника населения, не участвовавшего в добыче угля. Так, из протокола № 25 заседания Анжеро-Судженского Исполкома от 25.08.1921 г. следовало: «Признать выселение инвалидов и не трудового элемента необходимым, а больше семейных по желанию рабочего и по усмотрению Рудоуправления» [16. Л. 9].

В конце сентября Райуголь Северной группы рудников исчерпал возможность расселения прибывающих рабочих и их семей. В связи с этим направленная в Анжеро-Судженск партия рабочих из 46 чел. и 144 членов семей, прибывшая в Сибирь из Башкирской Республики, 26 сентября 1921 г. была отправлена по распоряжению Управления Анжеро-Судженской группы рудников обратно в Сибкомтруд (г. Новониколаевск). В сопроводительном письме указывалось, что причиной этому стало значительное количество больных среди приехавших рабочих, а также то, что «все указанные рабочие имеют большие семьи, но квартир в распоряжении Анжерских копей не имеется» [14. Л. 22].

Проблемы дефицита жилых помещений испытывали все каменноугольные бассейны страны. Для решения проблемы нехватки жилья для горнорабочих каменноугольной промышленности 25 октября 1921 г. СТО принимает Постановление «По жилищному вопросу на каменноугольных рудниках» [17. Л. 3]. Этим постановлением санкционировалось выселение из рудничных поселков лиц, не состоящих в прямом родстве с рабочими и служащими угледобывающих предприятий. Также под выселение с территории рудника попадали организации, не имеющие прямого отношения к добыче угля. В примечании постановления определялся круг лиц, которым разрешалось проживание в рудничных квартирах рабочего или служащего, к ним относились его или его жены дед, бабка, мать, отец и неработоспособные дети.

Председатель Сибревкома С.Е. Чуцаев совместно с председателем Томского Губисполкома Н.П. Тепловым путем переговоров «по прямому проводу» 25 ноября 1921 г. согласовали действия по выполнению постановления в части, касавшейся сокращения штатов советских учреждений, освобождения максимального числа квартир и выселения лишних элементов в копейских районах Кузбасса [Там же. Л. 10]. Цель – освобождение помещений для размещения в них рабочих и членов их семей. Для реализации этой задачи была сформирована комиссия с представителями Сибревкома, Сиббюро ЦК горнорабочих, Губисполкома и Сибугля.

Выехав в Центральную группу рудников и изучив обстановку в Кольчугино, члены комиссии наметили необходимые мероприятия, которые позволили воплотить в жизнь постановление СТО по решению жилищного вопроса и одновременно вести борьбу с эпи-

демией тифа, занесенную в конце декабря 1919 г. в Кузбасс отступающими частями армии Колчака [18].

Согласно сведениям за 15 декабря 1921 г., на Кольчугинском руднике числились 2 802 рабочих и служащих, кроме того, на руднике проживали 10 299 членов их семей, всего 13 101 чел. [17. Л. 83]. Кольчугинский рудник располагал в то время жилым фондом в размере 17 400,3 м² [Там же. Л. 84]. Надо отметить, что в сравнении с результатами переписи населения 1920 г., по которой на руднике проживали 5 578 чел. [19. С. 46], количество жителей в течение 1 года увеличилось более чем в 2 раза.

По результатам пересмотра всего имеющегося жилого фонда и определения насущной потребности жилья для рабочих 19 декабря 1921 г., на Кольчугинском руднике состоялось заседание местных органов власти, Райугля и объединенной комиссии Сибревкома и Сиббюро ЦК горнорабочих. В ходе заседания были приняты решения, на основании которых местные власти провели мероприятия по принудительному выселению с территории рудника неработающего элемента, в том числе 500 инвалидов и высвобождению помещений, ранее занятых разными организациями, которые не имели прямого отношения к добыче угля [17. Л. 13–14]. В частности, были освобождены 487,1 м², ранее занятых пунктом особого отдела и комсомола. Сельскую школу в доме на церковной площади было решено очистить под помещения для рабочих, а учащихся перевести в другую школу, организовав там занятия в две смены [Там же. Л. 12]. В деревню Егозово были переселены детский приют,

насчитывавший в тот момент 100 детей, ранее занимавший 11 комнат площадью 286,8 м², и госпиталь с тифозными больными, располагавшийся в доме площадью 259,5 м² [17. Л. 13].

В отношении владельцев недвижимости, находившейся на территории рудника, Рудоуправлению было предоставлено право самостоятельного установления сроков их выселения. При этом осуществлялось отчуждение жилых построек в пользу рудника по «справедливой оценке» стоимости и без права для владельцев недвижимости сноса своих построек или продажи на сторону. Проведенные мероприятия по высвобождению помещений позволили местным властям начать 23 декабря 1921 г. расквартирование 500 чел. [Там же. Л. 26]. В сведениях за 31 декабря 1921 г. об изыскании квартирной площади для расквартирования горнорабочего населения сообщалось, что в ходе мероприятий по отселению изыскано 2 612,4 м² жилой площади для расселения 689 чел. [Там же. Л. 85].

В своем докладе от 12.01.1922 г. возглавлявший комиссию уполномоченный Сибревкома Бондарь-Диброво оценивал положение с жильем как катастрофическое. Единственно верным решением он считал возвести в 1922 г. на Кольчугинском руднике новые 28 991,7 м² жилых помещений [20. Л. 28].

Исходя из показателей имевшегося жилого фонда и количества населения, проживавшего на руднике, а также установленный в тот период минимальный размер жилплощади на одного человека в 4,552 м², можно проследить динамику жилищного кризиса на Кольчугинском руднике в период 1921–1922 гг. (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Обеспеченность жильем населения Кольчугинского рудника в 1921–1922 гг.* [17. Л. 83–84; 21. Л. 75 об.]

Месяц и год	Население, чел.					Жилфонд, м ²	Обеспеченность жильем (при минимальной норме 4,552 м ² на 1 чел.)		Дефицит жилья	
	рабочие		члены семей		всего					
	чел.	%	чел.	%						
Декабрь 1921	2 802	21,4	10 299	78,6	13101	17 400,3	3 822	29,2	42 238,0	70,8
Октябрь 1922	2 885	36,3	5 055	63,7	7940	20 848,2	4 580	57,7	15 294,7	42,3

* Расчеты автора на основе сведений о количестве занятых в производстве рабочих и служащих на Кольчугинском руднике (на 15.12.1921 г.) и наличии жилплощади; данных «О жилищных условиях на рудниках» (доклад секции по использованию рабочей силы и быта работников в комиссию по обследованию АИК «Кузбасс» и Кузбассстреста в 1924 г.).

Приведенные в табл. 1 показатели за декабрь 1921 г. свидетельствуют о дефиците жилого фонда в размере 42 238,0 м² и возможностях Рудоуправления обеспечить казенным жильем менее 30% населения в 1921 г. Исходя из того, что по имеющейся на руднике жилплощади и числящегося населения на 1 чел. приходилось по 1,3 м², можно предположить, что значительная часть горнорабочих проживала вне территории рудника. Показатели за октябрь 1922 г. о наличии жилфонда, обеспечения жильем населения и дефиците жилья в сравнении с декабрем 1921 г. имеют положительную динамику. Так, в частности жилфонд Кольчугинского рудника увеличился на 3 447,9 м², количество населения, обеспеченного казенными квартирами, – на 757 чел., а дефицит жилья сократился на 28,5%, но, тем не менее, нехватка жилья была чрезмерно высокой и составляла 42,3%, т.е. порядка 3 360 чел. не были обеспечены каким-либо жильем.

Надо заметить, что на ситуацию значительно повлияло уменьшение населения Кольчугинских копей на 5 161 чел., вызванное отъездом на родину бывших рабочих-трудоустроенцев и части рабочих вместе с членами своих семей. На основании вышесказанного можно сделать вывод, что самый тяжелый период жилищного кризиса на Кольчугинском руднике пришелся на зиму 1921–1922 гг.

С теми же полномочиями и подобными целями другая комиссия выезжала на копи Анжеро-Судженского района, насчитывавшего в то время порядка 33 тыс. чел. [22. Л. 5]. Комиссией было установлено, что всего советскими учреждениями, партийными и профессиональными организациями была занята следующая площадь помещений: в Анжерском районе – 6 065,4 м²; в Судженском районе – 5 522,7 м² [23. Л. 120 об.]. С одной стороны, в условиях жилищного кризиса такое количество помещений могло значи-

тельно уменьшить дефицит жилья для рабочих, с другой – в число организаций, не связанных с угледобычей, входили школы, больницы и помещения при них, вплоть до покойницкой. Как отмечала в докладе комиссия, такие помещения «даже при царизме под жилье рабочих не использовали» [Там же. Л. 121].

Из числившихся на коях 1 051 инвалида было выселено 437 чел. [Там же. Л. 122]. Особое внимание в работе комиссии было уделено вопросам сокращения штатов учреждений и организаций, не имеющих отношения к добыче угля. Так, например, по новым штатам исполком был сокращен до 16 чел., милиция – с 240 до 51 чел., а в учреждениях образования штаты были сокращены на 25% [Там же. Л. 120]. Проводя сокращение штатов, местные власти рассчитывали освободить жилые помещения за счет сокращенных лиц. Всего сотрудники этих организаций вместе с членами своих семей занимали жилую площадь в размере 7 144,7 м² [Там же. Л. 120 об.]. Однако вопреки ожиданиям властей, попавшие под сокращение сотрудники не покидали рудник, а практически сразу устраивались работать на местные предприятия, таким образом, население рудника фактически не уменьшалось, а жилая площадь не высвобождалась [Там же. Л. 120].

Высокая плотность проживания в жилых помещениях также способствовала росту тифозной эпидемии на Анжеро-Судженских коях. Так, если на 21 ноября 1921 г. было 19 больных, то к 1 декабря их число возросло до 268 чел. [Там же. Л. 123].

Комиссия пришла к выводам, что сокращение советских учреждений и парторганизаций не даст желаемых результатов, а лишь частично улучшит положение уже находящихся на предприятиях рабочих; прием новых кадров невозможен; для того, чтобы увеличить число рабочих на 500 чел., необходимо построить 84 новых четырёхквартирных дома [Там же. Л. 121].

Наиболее остро проблема обеспечения жильем горнорабочих стояла на юге Кузбасса. В связи с тем, что Южно-Кузнецкий район только в 1917 г. начал разработку угольных пластов и до 1921 г. работы Южной группы носили разведочный характер, требовавшие немногочисленного штата рабочих, Прокопьевский и Киселевский рудники имели небольшой жилищный фонд [3. С. 12]. В силу этого обстоятельства в 1921 г. для жилья вновь прибывших рабочих использовались железнодорожные вагоны, принадлежащие кольчугинской новостройке, а также помещения, принадлежащие крестьянам близлежащих к рудникам населенных пунктов сел Усятское и Прокопье-

во, а также деревни Лучшево, расположенные от рудника соответственно на расстоянии 2, 6 и 9 верст [24. Л. 86]. Для обеспечения жильем шахтеров осенью 1921 г. в Прокопьево были переброшены из Томска несколько «ижевских барачков» [25. Л. 114].

По докладу Управляющего Южной группы рудников Аристов, к 1 декабря 1921 г. на рудниках Южной группы находились порядка 4 615 рабочих и трудармейцев, которые размещались в прилегающих поселках, а также в бараках и в 96 железнодорожных вагонах, приспособленных под жилье [26. Л. 74]. Из-за чрезмерной плотности размещения в жилых помещениях рабочих и служащих только за ноябрь месяц усилились тифозные заболевания: по Прокопьевску на 10%; по Киселевску – 5%, грозившие сокращением угледобычи [Там же. Л. 75].

На Прокопьевском руднике функционировали 1 амбулатория и 2 больницы: заразная на 50 коек и общая на 10 коек. Общая больница помещалась в ветхом крестьянском доме и не соответствовала своему назначению. За июль–сентябрь 1922 г. в больнице на излечении находились 175 тифозных и 99 незаразных больных. При больнице отсутствовало родильное отделение, поэтому «роженицам приходилось разрешаться в вагонах при страшной скученности населения» [27. Л. 4].

Учитывая вышесказанное, Райуголь Южной группы остро нуждался в новом жилье, однако существовали объективные причины, которые мешали развернуть широкое строительство жилых домов для рабочих и членов их семей. Так, из-за недостатка квалифицированных строительных рабочих Управление Южной группой вынуждено было прибегать к услугам местных наемных рабочих из числа крестьян, которые при недостаточном их количестве имели низкую квалификацию как рабочие-строители. В дополнение к этому Южная группа испытывала недостаток в лесных строительных материалах из-за того, что доставка строительного леса в Прокопьево осуществлялась гужевым транспортом на расстояние 20 верст или по железной дороге из Томской и Енисейской губерний [24. Л. 86–86 об.].

Ввиду ограниченности времени, рабочих и материальных средств в Южной группе рудников, было решено в первую очередь строить полуземляные, глиносоломенные и глинохворостяные бараки [Там же. Л. 86 об.]. Для размещения рабочих и их семей на Прокопьевском руднике в 1922 г. было построено новое жилье, что во вновь отстроенных казенных квартирах были размещены порядка 1 110 чел. (табл. 2).

Таблица 2

Строительство жилья на Прокопьевском руднике по смете 1921/22 операционного года* [27. Л. 4]

Тип дома	План строительства по смете 1921/22 опер. года, м ²	Построено за строительный сезон 1921/22 опер. года		Распределение общего объема построенного жилья, %
		м ²	%	
Глинобитный	5 122,9	4 033,1	78,7	80,7
Деревянный	1 315,5	965,0	73,4	19,3
Всего	6 438,4	4 998,1	77,6	100

* Расчеты автора на основе результатов ревизии Южной группы Кузбасстреста (доклад зам. уполномоченного НК РКИ по Сибири И.А. Итунина в Сибревком, январь 1923 г.).

Как видно из табл. 2, жилищный фонд Прокопьевского рудника увеличился на 4 998,1 м². Всего по сме-

те строительство было выполнено на 77,6%. Из общего объема построенного жилья на долю глинобитных

домов приходилось 80,7% и лишь 19,3% были деревянными, что свидетельствует о подавляющем преобладании вновь возведенного временного жилья.

Несмотря на увеличение квартирного фонда – это было недостаточно, чтобы полностью удовлетворить потребности населения Прокопьевского рудника. Так, выступая на II съезде представителей каменноугольной промышленности Кузбасса 3–9 декабря 1922 г., технический руководитель Южной группы Охрименко отмечал плохие жилищные условия, в которых проживали горнорабочие и члены их семей. В частности, из-за острого дефицита жилых помещений на душу населения копей приходилось всего 3,2–3,6 м², часть рабочих и служащих проживали в плохих деревенских избах [28. Л. 43]. Жилищный вопрос усугублялся тем обстоятельством, что трудящиеся жили в 7 и 9 верстах от места работы. Крестьяне, являвшиеся собственниками домов, не получавшие никакой

материальной компенсации от властей за использование жилой площади, чинили всякие неудобства служащим и рабочим, занимавших комнаты в их домах с целью их «выжимания» [28]. Выражалось это в ломке печей, удалении тепловых рам, использовании помещений сотрудника для личных надобностей.

По данным специального обследования, в 1922 г. в Прокопьевском районе большинство населения жило в землянках и необорудованных вагонах. В декабре 1923 г. в Прокопьевске в землянках продолжали жить 42% всех рабочих, в Ленинске – 39% [29. С. 146].

Размер жилищного фонда в Кузнецком бассейне на 1 октября 1922 г. и число лиц, проживавших на территории рудников, позволяют нам подсчитать примерное количество населения, обеспеченного жильем, а средний показатель жилплощади, приходящийся на 1 чел., дает представление о тяжелом жилищном кризисе в Кузнецком бассейне (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Жилищные условия в промышленных районах Кузбасса на 1 октября 1922 г.* [21. Л. 75 об.]

Промышленный район Кузбасса	Жилой фонд		Население		Обеспеченность жильем (при норме 4,552 м ²)		Средний размер жил. площади на 1 чел., м ²
	м ²	%	чел.	%	чел.	%	
Анжеро-Судженский	84 767,3	63,9	21 510	57,7	18 622	86,6	3,9
Ленинский (быв. Кольчугинский)	20 848,2	15,7	7 940	21,3	4 580	57,7	2,6
Южно-Кузнецкий (Прокопьевский и Киселевский рудники)	11 584,8	8,7	3 301	8,8	2 545	77,1	3,5
Кемеровский	15 522,3	11,7	4 548	12,2	3 410	75	3,4
Всего	132 722,6	100	37 299	100	29 157	78,2	3,56

* Расчеты автора на основе данных «О жилищных условиях на рудниках» (доклад секции по использованию рабочей силы и быта работников в комиссию РКИ по обследованию АИК «Кузбасс» и Кузбасстреста в 1924 г.).

Как видно из показателей табл. 3, к 1 октября 1922 г. наибольший объем жилого фонда в 63,9% находился в Анжеро-Судженском районе, в помещениях которого было расквартировано 57,7% населения, включавшего рабочих и служащих каменноугольной промышленности, а также членов их семей. Меньше всего жилья было в Южно-Кузнецком районе, в сумме на Прокопьевский и Киселевский рудники приходилось 8,7% жилого фонда, имевшегося в то время в Кузбассе. При минимальной норме жилой площади на 1 чел. в 4,552 м² казенными квартирами могли быть обеспечены порядка 29 157 чел., что составляло 78,2% населения рудников Кузбасса. В среднем по всем промышленным районам Кузбасса на 1 чел. приходилось по 3,56 м², что было ниже установленной нормы на 21,8%, хуже всего в этом отношении дела обстояли в Ленинском районе, где на 1 чел. приходилось лишь 2,6 м².

Тяжелые жилищные условия, на наш взгляд, стали одной из причин оттока населения с копей Кузбасса. Общая тенденция уменьшения населения прослеживается в большинстве промышленных районов. Так, если в Анжеро-Судженском районе в начале 1922 г. население насчитывало 33 тыс. чел., то к 1 октября 1922 г. осталось 21 510 чел., по Ленинскому району уменьшение с 13 101 чел. в декабре 1921 г. до 7 940 на 1 октября 1922 г., по Южно-Кузнецкому району – с 4 615 чел. до 3 301.

Подводя итоги действий Сибирских органов власти и Сибугля в 1920–1922 гг. в рамках борьбы с жилищным кризисом в Кузбассе, следует сказать, что исчерпав все имевшиеся жилищные ресурсы, на ка-

менноугольных копях было размещено такое количество вновь прибывшей рабсилы, которое было способно увеличить и стабилизировать производство каменного угля. Об этом свидетельствует увеличение добычи угля в Кузбассе на 127,8 тыс. т в 1921/22 операционном году, что больше на 14% в сравнении с предыдущим годом [30. С. 28. Табл. 2].

В основном задача расквартирования была решена за счет ухудшения условий проживания местного населения. Местные рабочие вместе с семьями вынуждены были смириться с подселением к ним новых жильцов. Неработающее население подверглось выселению из рудничных поселков, в том числе дети и инвалиды. Крестьяне-домовладельцы лишились своих домов, находившихся на территории рудников. На долгосрочный постой в крестьянские избы близлежащих сел и деревень была размещена часть рабочих и служащих. Вновь прибывшие рабочие и члены их семей размещались в крайне неблагоприятных жилищно-бытовых условиях без соблюдения минимальных санитарных норм жилплощади, приходящейся на одного человека, зачастую в помещениях, не приспособленных для проживания. Часть переселенцев в Кольчугино и Прокопьево была вынуждена строить землянки «самосильно», а затем селиться в них вместе с семьями [31. С. 85].

В целом борьба с жилищным кризисом в Кузбассе на протяжении 1920–1922 гг. проходила в условиях жесткого сопряжения проблем переизбытка населения рудничных поселков, дефицита жилья и решения производственных задач угледобывающих предприятий.

Целью реализованных мероприятий, направленных на преодоление жилищного кризиса, являлось не улучшение жилищных условий проживания населения, а размещение в Кузнецком бассейне рабсилы, способной выполнять производственную программу.

В перипетиях борьбы с жилищным кризисом проявился самый насущный вывод: дальнейшее развитие каменноугольной промышленности Кузбасса без масштабного строительства жилья для горнорабочих было невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заболотская К.А. Угольная промышленность Сибири (конец 1890 – начало 1990-х гг.). Кемерово, 1995. 342 с.
2. Захарова Т.В. Государственная жилищная политика в Горном Алтае в 1920–1930-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 1 (13). С. 53–58.
3. Бажанов В.М. Положение и перспективы каменноугольной промышленности в Сибири. Л., 1925. 64 с.
4. Бажанов В.М. Каменноугольная промышленность СССР. М., 1925. 92 с.
5. Советская Сибирь. 1920. 24 нояб.
6. Декреты Советской власти. М., 1983. Т. XI. Октябрь – ноябрь 1920 г. 467 с.
7. Сарин Д.П. Пополнение трудовых ресурсов Кузбасса в условиях военного коммунизма // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 1. С. 28–34.
8. Государственный архив Кемеровской области (далее – ГАКО). Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 20.
9. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 55.
10. Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 234. Оп. 1. Д. 90.
11. Советская Сибирь. 1921. 21 сент.
12. Декреты Советской власти. М., 1986. Т. XII, Дек. 1920 г. – январь 1921 г. 428 с.
13. РГВА. Ф. 234. Оп. 1. Д. 89.
14. Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 274.
15. ГАНО. Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 296.
16. ГАТО. Ф. Р-173. Оп. 1. Д. 196.
17. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 736.
18. Галкин Н.В. Первая жизнь инженера Лоханского // Кузбасс. 2012. 15 мая.
19. Кольчугинский миллиард. Новосибирск, 2008. 220 с.
20. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 834.
21. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 100.
22. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 302.
23. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 96.
24. ГАНО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 392.
25. ГАТО. Ф. Р-272. Оп. 1. Д. 70.
26. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 507.
27. ГАНО. Ф. Р-288. Оп. 1. Д. 98.
28. ГАКО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 36.
29. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.) / отв. ред. А.С. Московский. Новосибирск, 1982. 425 с.
30. Вторая угольная база СССР Кузбасс // Кузбасс в цифрах / под ред. М.С. Строилова. Новосибирск, 1935. Ч. 3. 86 с.
31. Каймашикова Е.Б. История становления и развития угольно-металлургических городов Кузбасса в 20-е – середине 80-х гг. XX в. : дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 февраля 2016 г.

THE STRUGGLE AGAINST THE HOUSING CRISIS IN KUZBASS IN 1920–1922

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 414, 121–128.

DOI: 10.17223/15617793/414/19

Dmitriy P. Sarin, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: sarin.d@mail.ru

Keywords: housing crisis; Kuzbass; coal mining.

This article examines the situation with providing housing for the population in the coal districts of the Kuznetsk Basin in 1920–1922. The author singles out three reasons of the housing crisis in Kuzbass: housing shortage, surplus population in the mines and the lack of large-scale construction of new housing. He also highlights the link between bread supplies from Siberia to the European part of Russia and concentration of the workforce from different parts of the country in the coal mining industry of Kuzbass because of the fuel crisis. The article is concerned with the decisions and actions of both central authorities of the Soviet Republic and Siberian ones aimed at overcoming the housing crisis in Kuzbass. The main purpose of the activities undertaken by the authorities was not improvement of the living conditions of the coal mines population, but placement of miners and members of their families, coming from different regions of Siberia and the famine-stricken provinces of the Volga and the Urals, in already existing residential and non-residential premises. An acute shortage of housing made the local authorities forcibly move inoperable population, including children and the disabled, from the territory of the coal mines. Newly arrived workforce was resettled in emptied living spaces. Based on the compilation of the archival material of Кемерово, Novosibirsk and Tomsk Oblasts, as well as the Russian State Military Archive, the article analyzes the existence of housing, the ability to provide the population of the mine towns of the Kuznetsk Basin with government-owned apartments. During the study, the most acute period of the housing crisis in the Kolchugino mine, 1921–1922, has been established. The most miserable housing situation was in the mines of the South Group where the majority of miners lived in railway wagons and dugouts. For improving the living conditions of miners in the South-Kuznetsk area in 1922, new housing units were built at the Prokopyevsky mine. Due to the lack of construction workers and building materials, as well as time pressures, there were built half-earthen, clay straw, clay brushwood barracks there. New temporary shelters covered 4998.1 m², which provided housing for 1100 people. In the paper, the proportion of the housing stock of each industrial area across the Kuznetsk Basin has been determined. There has been revealed a general tendency for the outflow of human resources from the industrial areas of Kuzbass in 1922. On the basis of the available information on housing, the number of population and parameters of minimum acceptable housing per person, it has been estimated that by 1 October 1922, 29,157 persons were provided with government-owned apartments, i.e.

78.2 % of the Kuzbass population. The author concludes that the measures taken by the authorities allowed accommodating the required number of the cheap workforce in the very cramped housing conditions due to the deterioration of the living conditions. The study results broaden the idea of the formation of Kuzbass as the industrial center of Siberia.

REFERENCES

1. Zabolotskaya, K.A. (1995) *Ugol'naya promyshlennost' Sibiri (konets 1890 – nachalo 1990-kh gg.)* [The coal industry in Siberia (the end of the 1890s – early 1990s)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
2. Zakharova, T.V. (2011) The state housing policy in Gorny Altai in 1920–1930ies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (13). pp. 53–58. (In Russian).
3. Bazhanov, V.M. (1925) *Polozhenie i perspektivy kamennougol'noy promyshlennosti v Sibiri* [The situation and prospects of the coal industry in Siberia]. Leningrad: [s.n.].
4. Bazhanov, V.M. (1925) *Kamennougol'naya promyshlennost' SSSR* [The coal industry of the USSR]. Moscow: [s.n.].
5. *Sovetskaya Sibir'*. (1920). 24 November.
6. Anon. (1983) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 11. Moscow: Politizdat.
7. Sarin, D.P. (2015) Labour resources replenishment in Kuzbass under the conditions of war communism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (64):1. pp. 28–34. (In Russian). DOI: <http://dx.doi.org/10.21603/2078-8975-2015-4-28-34>
8. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-100. List 1. File 20. (In Russian).
9. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 55. (In Russian).
10. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 234. List 1. File 90. (In Russian).
11. *Sovetskaya Sibir'*. (1921). 21 September.
12. Anon. (1986) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [The decrees of the Soviet power]. Vol. 12. Moscow: Politizdat.
13. Russian State Military Archive (RGVA). Fund 234. List 1. File 89. (In Russian).
14. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-532. List 1. File 274. (In Russian).
15. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-532. List 1. File 296. (In Russian).
16. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-173. List 1. File 196. (In Russian).
17. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 736. (In Russian).
18. Galkin, N.V. (2012) *Pervaya zhizn' inzhenera Lokhanskogo* [The first life of engineer Lokhanskiy]. *Kuzbass*. 15 May.
19. Sungurov, Yu. (2008) *Kol'chuginskiy milliard* [Kolchuginsk billion]. Novosibirsk: Priobskie vedomosti.
20. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 834. (In Russian).
21. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-288. List 1. File 100. (In Russian).
22. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 2. File 302. (In Russian).
23. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 1. File 96. (In Russian).
24. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund P-1. List 2. File 392. (In Russian).
25. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-272. List 1. File 70. (In Russian).
26. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-1. List 1. File 507. (In Russian).
27. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund R-288. List 1. File 98. (In Russian).
28. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R-86. List 1. File 36. (In Russian).
29. Moskovskiy, A.S. (ed.) (1982) *Rabochiy klass Sibiri v period stroitel'stva sotsializma (1917–1937 gg.)* [The working class of Siberia in the period of socialist construction (1917–1937)]. Novosibirsk: Nauka.
30. Stroilov, M.S. (ed.) (1935) *Vtoraya ugol'naya baza SSSR Kuzbass* [The second USSR coal base, Kuzbass]. Vol. 3. Novosibirsk: Kuzbassugol', ONTI.
31. Kaymashnikova, E.B. (2004) *Istoriya stanovleniya i razvitiya ugol'no-metallurgicheskikh gorodov Kuzbassa v 20-e – seredine 80-kh gg. XX v.* [The history of formation and development of coal and steel towns of Kuzbass in the 1920s – mid-1980s]. History Cand. Diss. Kemerovo.

Received: 12 February 2016